

И. ЕФРЕМОВ

НАУКА И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Ефремов И. Наука и научная фантастика // Фантастика, 1962 год: Сб. /
Сост. К. Андреев.- М.: Мол. гвардия, 1962.- С. 467-480.
OCR Yuri Zubakin 2:5010/30.47

ФАНТАСТИКА "ЧИСТАЯ" И "НЕ ЧИСТАЯ"

Расцвет научной фантастики характерен в общем для всех стран с высокоразвитой наукой и техникой, где они составляют основу роста производительных сил. Наибольшее свое развитие научная фантастика получила в англо-американской литературе. В Англии и Америке в 30-х годах нашего века и в первые годы после второй мировой войны издавались десятки (до 60!) журналов, специально посвященных научной фантастике, печатались тысячи рассказов, новелл, романов. Организовались даже специальные издательства. Подобного этому полноводному (хотя и мутному) потоку не было ни в каких других странах. Интересно, что, несмотря на былое первенство в науке, Германия дала очень мало научно-фантастических произведений. Очевидной причиной этого послужила общая деградация науки и культуры при фашистском режиме.

Научная фантастика за рубежом многообразна. Американцы различают "чистую" научную фантастику, основанную на тех или иных серьезных научных положениях, и более "свободный" вид этого жанра, где в причудливом вымысле авторы сплетают оборотней и кибернетические машины, вампиров и космические корабли, привидения и высшие достижения химии. Немало и так называемой научной фантастики, которая обходится даже без этой скромной научно-технической основы. Надуманный бред преимущественно религиозно-мистического оттенка лишь для занимательности оснащается переносом действия на другие планеты или в отдаленное будущее. Иногда местом извечной борьбы добра и зла становится какая-нибудь лаборатория с маньяками-учеными во главе.

Сами читатели издеваются над подобной литературой, называя ее "БЕМ"-литературой ("Bug and Monster"), подчеркивая постоянное присутствие чудовищ или гигантских насекомых, вторгающихся на Землю из космоса или встречающих астронавтов на планетах иных звезд. Другое издевательское название для таких произведений - "ЭмЭс" (Mad Scientist) - безумный ученый, то есть гениальный одиночка, открывающий ужаснейшие способы истребления людей или потрясения всей планеты - очень частый аксессуар англо-американской научной фантастики. Наконец третье прозвище также метко выделяет особую еще одного вида произведений: "Ю. Л." (Upheaval literature), то есть литература катастроф, непременно случающихся с нашей бедной Землей или с иными планетами, если действие перенесено в иные звездные системы. Ядерная война, сметающая цивилизацию и перерождающая человечество в толпу вампиров, крысо-людей или, в лучшем случае, в

дикарей. Или это вспышка сверхновой звезды, нередко и нашего собственного Солнца, сжигающая начисто всю жизнь. В последнее время - столкновение со звездой из антиматерии. Даже видные писатели-фантасты идут этими утоптаннами дорогами. Немалое число авторов использует фантастику для открытой религиозной пропаганды. Характерный пример - три романа видного английского писателя Льюиса о борьбе бога и дьявола на трех планетах - Венере, Земле и Марсе. Совсем недавно появился мастерски написанный роман Уолтера Миллера "Гимн Лейбовицу", где изображается всемирное возрождение римско-католической церкви после крушения культуры и всеобщего одичания из-за ядерных войн. В этом романе церковь, хотя и данная в несколько гротесковом плане, все же единственный собиратель и хранитель былых научных знаний. Пожалуй, еще чаще научная фантастика становится детективом, где гангстеры и сыщики прикрыты лишь фиговым листком науки, а череда убийств и преследований украшается пейзажами космических перелетов или иных планет. Эта разновидность наиболее распространена. Даже самые блестящие представители американской научной фантастики, такие, как Исаак Азимов, известный, очень образованный ученый-биохимик, отдали дань научно-фантастическому детективу. Азимов написал с десяток романов, в которых действуют сделанные "под человека" роботы - космические сыщики.

Следует упомянуть еще об одном любопытном явлении, чтобы показать, насколько разнообразна маскировка под научно-фантастическую литературу. Талантливый писатель Рэй Бредбери отнесен к первому десятку американских научных фантастов. Однако все произведения этого писателя проникнуты ненавистью к науке и страхом перед ней, которые он даже не очень скрывает. Произведения Бредбери, пожалуй, первый случай в истории литературы, когда полные ненависти к науке произведения сочтены выдающимися образцами "научной" фантастики. Это как нельзя лучше показывает, насколько велика путаница в представлении о жанре, его пределах и назначении.

К чести англо-американских читателей, они начали разбираться в существовании вопроса значительно раньше критиков и литературоведов.

Положение научной фантастики в Америке за последние годы очень характерно. Читателям надоели пустые, хоть и хитроумные выдумки о космических шпионах и безумных ученых, приелись убийства и детективы, их тошнит от психологических извращений. Стало понятным, что описания ужасающих катастроф в земном или всегалактическом масштабах - не больше как литературный прием. Сам по себе неплохой, придающий внешнюю увлекательность неглубокому произведению, этот прием, будучи повторен тысячи раз, уже превратился в дешевку, литературный штамп. Читатель все больше разбирается в науке, верит в нее, интересуется ею и легко разгадывает прежде "сходившие с рук" разнородные образные маскировки.

Поэтому медленно, но неуклонно отходят в небытие все побочные, мусорные побеги научной фантастики, уступая место "чистой" научной фантастике, завоевывающей все более широкую аудиторию. Но процесс идет еще дальше. За последние годы в Англии и Америке большое число признанных авторов отходит от традиционных форм этого жанра и приближается к традициям и требованиям "литературы главного потока", как говорят американцы, или к "большой литературе", если пользоваться принятым у нас термином. Это вызвано настойчивым предпочтением читателями "чистой" научной фантастики. Специальные научно-фантастические журналы и альманахи прогорают и закрываются один за другим. Только за 1958 год число научно-фантастических журналов сократилось с 21 до 10, за 1959 год "прогорело" еще три

альманаха, в 1960 году из вновь открывшихся в 1958 - 1959 годах четырех новых журналов не осталось в "живых" ни одного. И в то же время научно-фантастические произведения проникают с каждым годом все больше в толстые журналы общелитературного характера и специальные программы телевидения, а книги на эти темы охотно издаются все возрастающим числом издательств.

Анализ этого противоречия занимает наиболее крупных редакторов и писателей научной фантастики.

Джюдит Меррил, писательница и редактор многих научно-фантастических сборников, правильно чувствует современное положение жанра. В заключительной статье к сборнику научной фантастики за 1959 год Меррил считает, что этот жанр покидает свои прежние формы и поднимается на новый уровень. Бурный прогресс научных исследований сделал самые фантастические гипотезы и предположения объектом научного исследования. Каждое новое соображение, пусть еще весьма спекулятивное (то есть неразработанное и не подкрепленное нужным количеством научных наблюдений, опытов и фактов), немедленно подхватывается и подвергается изучению. Исаак Азимов в письме к Д. Меррил заявляет: "Даже самые безумные идеи или такие, которые были совершенно ненаучными несколько лет назад, сейчас подвергаются серьезному исследованию учеными и, чудо из чудес, освещаются в печати без всякой иронии или шутки. Как ни быстро идет прогресс науки, он не вторгается и не может вторгаться в научную фантастику, хотя, между нами, он может вторгаться в читателей научной фантастики, удовлетворяя их самих успехами науки и избавляя их от необходимости чтения научной фантастики".

Меррил полностью соглашается с Азимовым. Литература логических соображений теряет свою обособленность, растворяясь в "большой" литературе. "Научная фантастика как категория если не мертва уже, то обречена, так пусть здравствует научная фантастика (большая литература и путь мышления)!" - восклицает Д. Меррил в заключение.

В приведенных, пока еще не очень ясных, соображениях, однако, как нельзя лучше отражено то самое главное обстоятельство, которое странным образом отрицается И. Азимовым, - огромное, я бы сказал, определяющее влияние научного прогресса на фантастический жанр литературы.

Д. Кэмпбелл, который в течение 20 лет редактировал ведущий и самый серьезный журнал англоамериканской научной фантастики "Эстаундинг Сайенс Фикшн", опубликовал призыв к своим читателям вступать в новое общество "Джентльменов - любителей науки", которое будет издавать свой собственный журнал, посвященный исключительно научному и техническому "дальнему теоретизированию" и фантазированию. Вот здесь и находится ключ к четкому ответу на противоречия и те проблемы, которые занимают в настоящее время теоретиков англоамериканской научной фантастики.

В нашей стране научная фантастика находится в самом начале своего большого подъема. Пока что ее расцвет определяется в большей степени ненасытным читательским спросом, нежели богатством тем, книг и мыслей. Однако по строгому отношению к качеству литературы у нас мы избежали всякого мусора - мистики, демонов, оборотней, космических гангстеров и страшных убийств - всего, что основательно засорило зарубежную фантастику и заставляет относиться к ней с большой осторожностью. Наша научная фантастика вся "чистая", по американской терминологии. Она строится на более или менее прочной научной основе. По моему глубокому убеждению, только такая научная фантастика и может считаться подлинной, имеющей право на существование в этом жанре. Все другое, будь то даже полезные, идейные

и хорошие по литературным качествам произведения типа памфлетной "фантастики", к этому жанру не относятся.

Разговоры о точности научной документации, неизбежно возникающие на каждой дискуссии о фантастике, хотя безусловно правильны, но, пожалуй, уже запоздали. Научные ошибки и неточности абсолютно нетерпимы не только в научной фантастике, но и в "бытовой" литературе. Подобно тому как давно уже, с начала реализма, нельзя придумывать несуществующие детали жизни или искажать ее правду в произведениях общего направления, так теперь, в современном реализме, недопустимы невежество и погрешности в любых деталях научного характера. Но в отношении научной фантастики об этом даже не стоит много распространяться - это звучит вроде требования писать книги без орфографических ошибок.

Важнейшим вопросом прошедших у нас дискуссий о научной фантастике можно назвать соотношение науки и фантазии. Право писателя на безграничную свободу фантазирования отстаивалось с не меньшим энтузиазмом, чем противоположные требования строгого лимитирования писательского воображения точными данными современной науки. И, конечно, обе стороны, развивая свои положения логически односторонне, а не диалектически, были неправы.

Ортодоксальным защитникам писательской "свободы" было мало того, что в научной фантастике якобы обязателен примат фантазии над наукой. Нет, научная фантастика должна вести науку за собой, "показывая ей новые направления и освещая пути в неведомое вдохновенным взлетом фантазии. Приверженцы "теории лимитирования" в своих крайних выражениях требовали обязательной проверки каждого научно-фантастического произведения учеными соответствующих специальностей.

КАКОВА ЖЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ НАУКИ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ?

Современная наука настолько проникла во все области жизни общества, что стала решающим фактором в развитии производительных сил. Теперь уже наука вовсе не идет путями внезапных прозрений гениальных одиночек, размышляющих в тиши своих кабинетов или под липами уединенных усадеб. Благодаря накоплению гигантского опыта и колоссальным техническим возможностям наука поднялась на новую, качественно иную ступень. Отражение этого в сознании людей обуславливает, в частности, интерес к научно-фантастическому жанру литературы, успех его развития.

Именно в науке современный человек, отрешившийся от религиозных представлений о мире, видит единственную реальную опору как для построения нового, справедливого общества, так и "для души", для понимания своего места и значения в жизни. Но, вероятно, далеко не все ученые и писатели представляют себе всю необъятность накопленного человечеством научного опыта, всю широту фронта научных исследований и скорость их нарастания! В этом бесконечно многообразном хранилище исканий и размышлений человечества находятся истоки решительно всех научно-фантастических произведений, и еще несметное их количество ждет своих литературных открывателей.

В самом деле, лишь малая часть замеченных явлений, фактов, намеков природы разрабатывается методически и планомерно научными исследованиями. Гораздо большее число пока лежит втуне, может быть, храня в себе возможности самых заманчивых взлетов науки. Привлечение внимания к этим или еще не использованным, или забытым возможностям - одна из наиболее серьезных задач научно-фантастической литературы. Только в таком смысле

поиска в стороне от главных линий научных исследований можно понимать "опережение" науки фантастикой.

Однако придется разочаровать писателей. Для того чтобы идти в научную фантастику этим путем, надо быть ученым, стоящим на переднем крае исследований, широкообразованным в области истории науки и накопленных ею фактов. Следовательно, надо работать сразу в двух областях, то есть находиться в наш век узких специализаций в самом невыгодном положении. Теперь, когда мы начали яснее представлять себе устройство мозга, работу мысли и памяти, мы подошли к раскрытию процесса отражения мира в сознании человека, так гениально предугаданного основоположниками марксистской диалектической философии. Тем же закономерностям подлежит, конечно, и процесс "фантазирования". Поэтому, если писатель в своих фантастических предвидениях в самом деле опережает науку, то он может это сделать, лишь исходя из каких-то определенных познаний. И чтобы не получилось повторных гениальных открытий, вроде вторичного открытия дифференциального исчисления одесским сапожником в начале нашего века, познания писателя должны быть на уровне переднего края современной науки. Иными словами, это достижимо тогда, когда сам писатель ученый.

Вот почему научная фантастика и фантастика вообще не может состязаться с наукой в объяснении и овладении законами природы и общества. В этом смысле можно говорить о примате науки над фантазией.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ НАУКИ

Наука неоднородна и представляет собой процесс, развивающийся, как и все в мире, противоречиво.

Часть ученых, наделенных могучим и живым воображением, "фантазирует" в науке, двигается в ней как бы бросками. Другая часть, консервативная, аналитическая, движется в области открытий очень медленно, но прочно отвоевывая у природы неведомое. Такие ученые сдерживают и проверяют фантазирующих "скороходов". Если бы соотношение обеих частей было равным, то мы имели бы диалектически сбалансированное противоречие и быстрое движение вперед. Однако консервативная часть ученых гораздо многочисленнее, особенно в науках описательных, где воображение меньше значит, чем в физике или математике.

По аналогии с механизмом наследственности сдерживание фантазирования в науке совершенно необходимо, для того чтобы наука не превратилась в бесформенную массу теоретических спекуляций, а сохранила свою сущность - проверку опытом, искусственное воспроизведение природных процессов и овладение ими.

Но в совершенно равной степени (и в этом диалектика развития науки) стимуляция научных фантазий определяет темп научного прогресса. Но только когда "фантазирующая" часть ученых обладает столь же высокой (и лучше, даже еще более высокой) "закалкой" серьезной подготовки и дисциплиной мышления, как и "тормозящая" консервативная часть.

Пока все же число подобных ученых в любом научном коллективе невелико, что и вызвало известное замечание Эйнштейна: "Воображение важнее, чем знание!" Следует поправить Эйнштейна, что хотя его воображение и привело к открытию фундаментального закона соотношения массы и энергии, частичное овладение этим явлением природы потребовало чудовищного труда миллионов людей и громадных материальных затрат, пока мы не пришли к созданию ядерной энергетики.

В бурном разрастании дерева науки есть и другая аналогия с природными процессами, именно с процессом органической эволюции. История развития жизни на Земле показывает нам неисчислимо множество различных ответвлений на пути общего усовершенствования и приспособления организма к физическим, фазовым условиям биосферы нашей планеты. Каждое из этих ответвлений в общем ходе эволюции становилось своеобразным тупиком, задержкой общего прогресса вследствие приспособления к местным и частным условиям существования. Иными словами, разрешение бесчисленных противоречий, возникающих в ходе развития жизни, шло вначале путем частичного приспособления в данном месте и времени. Новое продвижение вперед на пути общего прогресса достигается новым, как бы обходным путем, ведущим не к приспособлению, а к преодолению местных, временных условий. Однако и оно при дальнейшем развитии обречено на новый "тупик", пока не возникнет другой обход вновь возникшего противоречия.

Все великое "дерево" развития жизни демонстрирует диалектический закон необходимости, проявляющийся через сумму случайностей. Необходимостью здесь являются общее усовершенствование организма, повышение его энергетики как биологической машины, усиление защитных устройств и увеличение долговечности. Случайностями - частные приспособления (частные для исторического пути огромной длительности). В ходе своего развития наука встречает также бесчисленное множество тупиков, не разрешимых для формально-логического, дедуктивного метода мышления. Эти "тупики" преодолеваются обходным, зачастую совершенно неожиданным путем, с помощью диалектического мышления, которое мы нередко путаем с индуктивным методом. После обхода "тупика" вновь возникшая идея, теория, метод становятся ведущими, пока, логически продолженные и развитые, они не приходят к новому "тупику". Часто преодоление нового тупика совершается путем возврата к старому, брошенному методу или гипотезе, которые на новом уровне достижений науки становятся опять ведущими - до очередного тупика. Описанный ход развития науки находится в полном соответствии с законами диалектики. Я остановился на нем лишь для наглядной иллюстрации того, как много для прогресса науки значит "обходное" движение через смежные области знания или оставленные, ранее сочтенные невозможными пути.

Процесс этот находится в жестокое противоречии с узкой специализацией науки и научного образования. Узкая специализация ученых содействует быстрому разрешению частных вопросов, но в то же время мешает обобщению более широких проблем. Поэтому количество "тупиков" имеет тенденцию к возрастанию, тем более что ширящийся фронт исследований неуклонно увеличивает число широких проблем, объем и внутреннее содержание которых становятся настолько сложными, что они могут быть разрешены только при помощи многих смежных путей познания.

Не мудрено, что соответствующие организации у нас и в США - двух странах, где особенно велико число ученых и особенно сильна их специализация, - в настоящее время озабочены расширением образования ученых. Необразованный ученый - это звучит парадоксально, но лишь потому, что мы воспитались на старых представлениях об ученом как носителе энциклопедических познаний. Однако это совершенно реальное явление времени, с которым нужно серьезно считаться и которое обуславливает неправоту сторонников строгого обуздывания научной фантастики. Проверка "точности" науки в научно-фантастических произведениях, порученная узким специалистам, принесет не пользу, а вред. Специалист сможет судить лишь по состоянию вопроса в своей узкой области, неизбежно ведущей в будущем к очередному

тупику, и не в состоянии усмотреть того нового и положительного, что привносит научная фантастика из смежных областей знания. Вот почему, не будучи в силах вести за собой науку, научная фантастика в то же время не может быть отдана на расправу узким специалистам в науке и должна оказывать серьезное влияние на расширение кругозора ученых, а следовательно, и на развитие науки. Таково диалектическое решение вопроса о соотношении науки и фантазии.

ЛИТЕРАТУРА МЕЧТЫ И НАУЧНОГО ПРОГРЕССА

Но этим далеко не исчерпывается взаимосвязь науки и научно-фантастической литературы, в которой, на мой взгляд, есть еще одна сторона первостепенной важности. Подавляющее большинство любителей и сторонников научной фантастики, равно как и сами писатели, соглашаются, что это литература мечты. На возражение, что мечта в совершенно равной степени свойственна любому художественному произведению, а социальная мечта составляет основу как утопических, так и многих исторических произведений, обычно отвечают: мечта в научной фантастике - дальнего прицела, и это, мол, отличает ее от других видов художественной литературы. Эти определения, очевидно, неточны. Само собой разумеется, в научной фантастике мечта занимает очень важное место, но какая мечта? Разве обязательно дальнего прицела? И как установить, далек или близок прицел? Мне кажется, что мечта о приложении научных достижений к человеку, к преобразованию природы, общества и самого человека составляет сущность настоящей научной фантастики. Показ влияния науки на развитие общества и человека, отражение научного прогресса, овладения природой и познания мира в психике, чувствах, быту человека - вот главный смысл, значение и цель научной фантастики.

Здесь "обратная связь" с наукой приобретает большую значимость потому, что в такой литературе ученые увидят то, что иногда трудно осмыслить им самим, - действие их открытий и опыта в жизни и в человеке, причем не только положительное, но иногда и трагически вредное.

Не подлежит сомнению, что на этом пути научной фантастики осуществляется прямой контакт с социальными проблемами. Фантастика становится социологической, смыкается и переходит в большую литературу, выходя из границ своего жанра, но совсем не в том направлении, о каком думают американские теоретики научной фантастики.

Большое внимание, которое привлек роман "Туманность Андромеды" не только у нас, но и в самых различных странах, я объясняю прежде всего тем, что это произведение в какой-то степени ответило на общественные запросы. Американская теория смыкания научной фантастики и научно-популярной литературы не представляется мне правильной. Успехи науки и ее ошеломляющие открытия сами по себе так интересны, что не нуждаются в художественном одеянии. Действительно, хорошие научно-популярные книги и статьи читаются нарасхват и привлекают куда больше читателей, чем иные произведения художественной литературы. Нелишне попутно посоветовать книготорговым организациям и издательствам учесть этот повышенный спрос на научно-популярные произведения и перепланировать тиражи.

Много лет ратуя за широкую популяризацию науки, я не могу не приветствовать от души появление отличных популяризаторских книг Д. Данина, М. Васильева (Хвастунова) и других, громадные тиражи и многочисленные переводы которых во всем мире как нельзя лучше подтверждают смещение интересов широкого читателя в сторону "просто науки" и служат

грозным предупреждением для писателей-фантастов, ратующих за "чистую фантазию", за право писать пустяки, хотя бы и сделанные с большим художественным мастерством.

Но популяризаторский рассказ о науке - не путь научной фантастики, которая должна оставаться художественной литературой, как бы близко ни подходила она к научно-популярным произведениям и какими бы фантастичными ни казались смелые предположения ученых, вроде высказывания астрофизика И. С. Шкловского о природе спутников Марса. Подобные высказывания "фантазирующих ученых" всегда будут увлекать миллионы людей, возбуждать самый горячий интерес и питать научную фантастику.

о Успех научной популяризации лишь подчеркивает, что прошло время, когда для пропаганды научных знаний приходилось снабжать их путешественнической, приключенческой или детективной декорацией. Теперь в сумме накопленных знаний и своей действенности наука интересна сама по себе. Роль научной фантастики для популяризации почти сошла на нет, а сочетание авантюрного рассказа с популяризацией науки, что прежде называлось научно-приключенческой литературой (и в которой я тоже пробовал писать прежде), уже отжило, не успев расцвести. Не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей - вот сущность научной фантастики настоящего времени.

По мере все большего распространения знаний и вторжения науки в жизнь общества все сильнее будет становиться их роль в любом виде литературы. Тогда научная фантастика действительно умрет, возродясь в едином потоке большой литературы как одна из ее разновидностей (даже не слишком четко отграничиваемая), но не как особый жанр.

**ЕФРЕМОВ Иван Антонович (настоящее отчество - Антипович)
(1907-1972).**

Великий русский (советский) писатель, ученый-палеонтолог и оригинальный мыслитель, намного обогнавший свое время; основоположник и классик новой советской Научной Фантастики (НФ), влияние которого на ее развитие в 1960-х гг. трудно переоценить.

Родился в деревне Вырица (Царско-Сельского у. Петербургской губернии, ныне - Ленинградская область), после окончания школы работал матросом, учился в ЛГУ, но не окончил его, работал в Геологическом музее АН, участвовал в геологических и палеонтологических экспедициях; после окончания экстерном геологоразведочного факультета Ленинградского (ныне - СПб) горного института заведовал лабораторией Палеонтологического института АН и руководил несколькими экспедициями (в т.ч. в пустыню Гоби).

Основатель тафономии - науки о закономерности образования местонахождений ископаемых остатков ("Тафономия и геологическая летопись", 1950; Гос. пр. СССР, 1952). Доктор биологических наук, профессор, Лауреат Государственной премии СССР (1959). Печататься начал с 1944 г. Член Союза Писателей. Первая НФ публикация - "Встреча над Тускаророй" (1944).

НФ творчество Ефремова, оригинального философа и одного из последних энциклопедистов 20 в., оказало революционное воздействие на расцвет советской НФ в 1960-х гг., раскрыв перед ней поистине будоражащие горизонты. Однако личная и творческая судьба писателя оказалась не столь однозначной: поначалу принятый в штыки официальной критикой, писатель затем был с той же легкостью возведен в ранг непререкаемого авторитета и живого классика; и уже в конце жизни Ефремова его последний (во многих смыслах итоговый) роман был насильно вычеркнут из советской литературы, а в квартиру только что скончавшегося автора нагрянул с обыском КГБ. Особый драматизм ситуации добавляет то обстоятельство, что, несмотря на значительный моральный и писательский авторитет Ефремова среди поколения советской НФ, пришедшего в литературу вместе с ним, "школы Ефремова" так и не было создано (хотя ее создание неоднократно прокламировалось самозванными "последователями" и "душеприказчиками").

Начав с НФ рассказов и повестей "на грани возможного", большинство которых составило сб. - "Встреча над Тускаророй" (1944), "Пять румбов. Рассказы о необыкновенном" (1944), "Белый Рог" (1945), "Тень минувшего" (1956), "Алмазная труба" (1946; доп. 1954), "Рассказы о необыкновенном" (1946), "Рассказы" (1950), "Звездные корабли" (1953), "Озеро Горных Духов" (1954), "Великая Дуга" (1956), "Бухта Радужных Струй" (1959), "Юрта Ворона" (1960), "Сердце Змеи" (1964; др. состав - 1967; др. состав - 1970), - Ефремов не стал слепо следовать канонам фантастики "ближнего прицела". Писателя интересовала не столько степень осуществимости конкретной фантастической идеи, сколько "общечеловеческий смысл" ее возможной реализации; при этом Ефремов черпал замыслы как из различных наук, так и из народных легенд - "Телевизор капитана Ганешина" (1944; др. - "Атолл Факаофо"), "Встреча над Тускаророй", "Ак-Мюнгуз (Белый Рог)" (1945) и др. Во многих рассказах - "Бухта Радужных Струй" (1944), "Румб второй. Дены-Дерь" (1944; др. - "Тайна Горного Озера"; др. - "Озеро Горных Духов"),

"Олгой-хорхой" (1944; др. - "Аллергорхой-Хорхой"), "Голец Подлунный" (1944) и др. - необычное, загадочное встречает исследователя на, казалось бы, исхоженной вдоль и поперек Земле. В то же время профессиональная подготовка Ефремова обеспечивала ему точные прогностические попадания: в "Алмазной трубе" (1945) предсказано открытие месторождения алмазов в Якутии, а сюжет рассказа "Тени минувшего" (1945; др. - "Тень минувшего") подтолкнул советского ученого Ю.Н. Денисюка к изобретению голографии. Также выделяются рассказы: "Катти Сарк" (1944), "Обсерватория Нур-и-Дешт" (1944); из более поздних - "Эллинский секрет" (рук. 1942; 1966), в котором Ефремов обратился к проблеме генетической памяти (что обусловило столь запоздалую публикацию), и "Юрта Ворона (Хюндустыйн Эг)" (сокр. 1959; доп. 1960).

Начиная с повести "Звездные корабли" (1947; 1948), творческая мысль Ефремова решительно выходит на широкий космический простор, безвозвратно порывая с традициями фантастики "на грани возможного". Конкретный сюжет повести - находка кости динозавра с загадочной пулевой (лучевой) пробойной, затем - черепа человекоподобного инопланетянина и его "портрета", - послужил отправной точкой главного философского построения Ефремова: идеи множественности очагов разума во Вселенной, сходства путей, по которым идет эволюция на различных планетах (с неизбежностью обеспечивая в результате общий физический облик и психологическую конструкцию - "гуманоидность" - для всех носителей разума), и ее неизбежной перспективы - "Великого Кольца" цивилизаций. Квинтэссенцией социальных и философских размышлений Ефремова о далеком будущем, определившей новый этап развития отечественной НФ, стал масштабный и беспрецедентный в советской литературе роман "Туманность Андромеды" (фрагм. 1957; доп. 1957; 1958); вместе с повестью "Звездные корабли" объединен в один том - "Туманность Андромеды. Звездные корабли" (1965); откровенно неудачно экранизирован.

Начало публикации романа в год Спутника и в разгар хрущевской "оттепели" возвестило о смелом прорыве границы "ближнего прицела". Действие романа отодвигалось от реального времени на тысячелетия (в последнем издании Ефремов остановился на 30-х вв.), а тематика не имела ничего общего с заполонившими тогда отечественную НФ "производственными проблемами" или разоблачением происков буржуазных агентов. Широкими мазками, писатель нарисовал впечатляющую панораму коммунистического будущего на объединенной Земле, общество, населенное принципиально новыми людьми. Они решили большинство известных современникам Ефремова социальных и технических проблем, перестроили планету, превратив ее в цветущий сад, вышли к звездам, влились в "Великое Кольцо" коммуникаций с иными цивилизациями, готовясь преодолеть последние ограничения, накладываемые законами природы на скорость "межзвездной связи". Главное новаторство Ефремова, однако, заключалось не в научной и технической дерзости его идей: впервые в советской НФ так смело и широко говорилось о физическом и духовном совершенстве жителей земли, их радикально перестроенной духовной жизни, мировоззрении, быте, семье, труде и отдыхе, взаимоотношении полов, воспитании детей, даже об их пенитенциарной системе и об оценке землянами всей предшествовавшей истории человечества.

Ефремов еще дважды возвращается в созданный им мир. Первое

"возвращение" было эпизодическим: в полемическом ответе "Первому контакту" М.Лейнстера - повести "Сердце Змеи (Cor Serpentis)" (1959), герои которой вступают в контакт с жителями "фторной" планеты. Вторым и последним стал масштабный, многослойный и наиболее выдающийся роман "Час Быка" (сокр. 1968; доп. 1970). На планету Торманс, куда, на заре межзвездных перелетов, "занесло" один из "звездных ковчегов" последних представителей классово разделенной Земли, и куда - также случайно - попадает звездолет землян (дело происходит спустя 300 лет после событий, описанных в "Туманности Андромеды"). В мире Торманса царит жестокая диктатура, планета близка к экологической глобальной катастрофе, и технически и "идеологически" более могущественные земляне оказываются перед дилеммой: "невмешательство" - "прогрессорство"; герои Ефремова, хотя и с оговорками и сомнениями, явно тяготеют к последнему. Тщательно продуманный автором маскирующий антураж - философско-футурологический, мифологический, даже религиозный и непривычно (для советской НФ) эротический, обильно раскиданные по тексту ссылки на "американский империализм и китайский ревизионизм" не обманули бдительных цензоров. Результатом явился запоздалый, но бескомпромиссный запрет на роман, на любое упоминание о нем в печати (возвращение его в библиотеки, к читателям состоялось только с началом "перестройки").

В промежутке между "Туманностью Андромеды" и "Часом быка" Ефремов выпустил во многих отношениях экспериментальную книгу - "Лезвие бритвы. Роман приключений" (фрагм. 1963; сокр. 1963; 1964). На фоне авантюрного сюжета - разгадки тайны древней короны из неизвестного металла, найденной на дне океана, главный герой - врач и психолог Гирин - занят собственным "интеллектуальным детективом": исследует тайники подсознания, человеческую психику в целом, ее связь с творчеством и генетической памятью. Не будучи формально НФ, роман органически вписывается в общую канву научных, историко-философских, эстетических концепций Ефремова, развитых в его фантастических книгах. В этом же контексте воспринимаются и исторические произведения писателя: рассказ "Афанеор, дочь Ахархеллена" (1960), диалогия - повести "На краю Ойкумены" (1949) и "Путешествие Баурджеда" (1953); объединены в один том - "На краю Ойкумены" (1956; др. - "Великая Дуга"); вместе со "Звездными кораблями" объединена в один том - "На краю Ойкумены. Звездные корабли" (1959); и объемный роман "Таис Афинская" (фрагм. 1972 - "Рок Персеполиса"; сокр. 1972; 1973), в центре которого - яркий образ древнегреческой куртизанки.

Все художественные произведения Ефремова включены в два Собрания сочинений писателя: в 3-х тт. (1975-76); последний том вышел в 2-х книгах; и в 5-и тт. (1988-89).

В целом, Ефремов остается одной из самых ярких и непревзойденных фигур в истории мировой литературы.

И в заключение всем тем кто называет работы Ефремова утопией, нам хотелось бы ответить знаменитым высказыванием Э. Жирардена: "Утопия - таково имя, которым невежество, глупость и недоверие всегда величали великие замыслы, открытия, предприятия и идеи, прославившие свой век, послужившие эрой в человеческом прогрессе."

ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ: ФАНТАСТИКА, ФИЛОСОФИЯ, ЖИЗНЬ (к 90-летию со дня рождения). 22-24.9.1997 г.
(Симкин Г.Н. В кн. «Московские герпетологи». М. 2004. С. 162-175.

Творчество И.А.Ефремова диалектически (как любил подчеркивать сам писатель) двулико. Внешне это извилистый, а порою и медленный, даже неуверенный путь восхождения от поверхностно фантастических, завораживающих первых рассказов, романтических историй, морских приключений, легенд (Катти Старк) - отголосков юнлшеской эпохи “морского волка” в тихоокеанских дальневосточных морях к неожиданным оценкам как бы неявленных планов древних цивилизаций (Египта, Греции, Рима). Этот первый период и план творчества современниками оценен противоречиво. Одни (в том числе и А.Толстой) оценивали свежесть и необычность сюжетов писателя. Другие, считая первые работы лишеными художественных достоинств, склонны были оценивать это творчество как особую форму беллетристики. Однако духовная тайна Ефремова уже здесь, в начале пути, обрела свои, хотя и не раскрытые крылья,- в гениальном прозрении сибирских алмазов (Алмазная Труба), удостоверенному исторически, самими первооткрывателями якутских месторождений, прошедшими вслед за мыслью писателя по указанному им пути. Тайна Ефремова, будто бы фантаста, обозначилась в неудержимой, всеобъемлющей, строгой научности его мысли, которую ему - ученому исключительной эрудиции - было угодно закамуфлировать радугой странных фантазий. Эти фантазии и сам камуфляж на поверку временем оказались чем-то родственным высшим формам суфизма - неявленной верой-мечтою о необходимости одухотворенности (и одухотворения) мира и нашего бытия, крылатости человеческой мысли как восточного переливающегося радугой чуда. Уже с первых шагов Ефремова-писателя его генетическая, нерасторжимая связь с Азией (и Средней Азией в том числе) обозначилась четко, бесповоротно.

Творчество второго, глубинного плана это странный и как бы внезапный (непрофессиональный) переход к таинственным проблемам человеческой психики, наши представления о которой поистине вечно и ныне балансируют на “Лезвии бритвы”. Роман, вызвавший чуть ли ни потоки брани даже в кругу близких друзей, по-видимому, слишком рациональных, далеких от тайн медитативного плана - основы духовных исканий и откровений Востока. Практически никто не заметил, что “Лезвие бритвы” таило в себе двойной, в том числе и сокровенный смысл: по нему, как по истинному лезвию бритвы, писатель, используя опыт Востока, впервые решился на “путешествие в Духе”. Это была уже другая фантастика – фантастика смыслов, ее недостижимости, отчаянной осознанности,- прорыв в духовные тайны - медитационное обретение Силы. Еще не были завершены раздумья о цивилизациях и культурах Европы, но Восток уже пробивался в методах творческого порыва, в явлениях мпедитационного текста, когда слово и текст становятся гармоническим и спонтанным, практически неконтролируемым сознанием - потоком образного, не думающего, а зрящего отражаемое воочую человеком. Но об этом несколько позже.

Новый план творческого бытия Ефремова начат “Туманностью Андромеды”, снискавшей писателю всемирную славу одного из ведущих фантастов XX века. Международные премии, конкурсы, письма и семинары. Усех глубинной философии и естественно-исторически спорной книги “Таис Афинская”, книги о безусловном превосходстве женского начала Инь (Таис) над романтическим, действенным, размышляющн-неуглубленным Ян - началом мужским (Александр Македонский как светоносное, могущественнейшее и все же наивное, детски неразмышляющее - действующее явление и начало нашего мира). Шаг поистине дерзкий и спорный, до правоты осознания которого человек, уже ставший абсолютной и возможно уже неотвратимой жертвой минимой светоносности ян - мужской тирании Земли, не додумался и не дорос и в наши безумные дни. Теперь, спустя 30 лет после смерти

писателя, в поисках тайных истоков мысли о космической символической и величии женского, материнского начала вселенной и жизни, только и способного к постижению истинных ужасов мира, мы вдруг понимаем, что истоки идеи - таятся в еще неосознанных нами противоречиях, в сущности, - иньской философии даосизма и янской- конфуцианства. И нас вновь и до глубины души потрясает прозорливость писателя Ивана Ефремова, первым уловившего, как и в истории Якутских алмазов, беспримерную мудрость Востока, все еще скрытую в таинственных текстах великого Учителя Лао цзы ("Дао де цзин"), так потрясших в начале XX века величайшего из провидцев России - Льва Толстого, оставившего нам в наследие лучшее из толкований древнего китайского текста. В том, что не следует сомневаться в высокой оценке мысли Ефремова, нас убеждает триумф книг Фритьофа Капры ("Дао физики", "Уроки мудрости" и др.), получивших не только поддержку выдающихся физиков нашей эпохи (Вернера Гейзенберга, Джеффри Чу, Дэвида Бома и мн.др.), но и многих выдающихся деятелей и мыслителей XX века. Для многих становится очевидно, что именно "женская" философия даосизма сегодня становится величайшим источником альтернатив, застывшего над пропастью инфернальных крушений европейского "мужского" сознания и созданной им индустриально-технократической, потребительски меркантильной цивилизации безумной и бездумной наживы. Именно здесь, в философии меры и золотой середины, видел и Лев Толстой, еще не разгадавший тайны иньского начала Дао де цзина, и писатель-палеонтолог Иван Ефремов, отважившийся взглянуть на Восток до самых его глубин. Повесть-роман о Таис это ответ писателя-натуралиста на одну из глубочайших доктрин Востока - мистический феномен круговращения, взаимозмещения, слияния и противостояния сознания и интуиции, деятельности и осторожности, меры и силы, сознания и подсознания, последнего- как основного и глубинного начала творчества-мысли, хранителя опыта исторических и эволюционных эпох, первого - как деятельного начала, предающего творческим силам и формы и логику выражения мысли.

В творчестве Ефремова почти незаметной промелькнула "Дорога Ветров", скрывающаяся под покровом полевых дневников, профессиональных палеонтологических экспедиций в Монголию важнейший переломный этап духовного мира писателя. И, может быть, останется вечной загадкой не только сама реальная физическая (генетическая) мощь исследователя, писателя, человека - Ивана Ефремова (истинный богатырь земли русской - косая сажень в плечах), но и глубинно созвучная ему, Ивану Ефремову и самому русскому духу проведенциальная открытость, устремленность России к ледяным просторам Сибири, Азии, Востоку... Приверженность творчеству Н.К.Рериха (А.Юферова, 1991). "Премудрая тетрадь" 1956 года. 86 постулатов из медитационных текстов Е.И.Рерих ("Агни Йоги"), тесно связанных с важнейшими мыслями - духовными и философскими постулатами "Туманности Андромеды", а затем и "Часа Быка", таинственные указания на истоки трех гималайских рек...

Всемирный триумф романа-утопии "Туманности Андромеды" и - временная (посмертная?) катастрофа - донос - изъятие прямо из магазинов первого тиража "Часа Быка", ставшего завещанием (случайно ли?), а по мнению профессионалов-экологов, эволюционистов - пророческим, грозным и строго научно обоснованным предостережением ученого, философа, мудреца думающим людям Земли о пагубности разнузданного индустриализма (технократизма), смертельной опасности олигархической власти. И третий, глубинный пласт книги, открытый лишь профессионалам, - основа доноса - смертельные симптомы реального социализма. Был наложен запрет не только на сам роман "Час Быка". В научных статьях, книгах, журналах фамилию ученого Ефремова вымарывали жестко и беспрекословно целые годы... Воистину: "И сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорит: "слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите..." (Матф.13:14). "Ибо сказано вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: "и к злодеям причтен" (Лук.22:37). "Но да сбудется слово, написанное в законе их: "возненавидели Меня напрасно" (Иоан.15:25).

Мистика, непостижимость тайны Ефремова - потрясают. Кажется, что истинная его глубина еще не раскрыта. Возможно, что сегодня она еще недоступна, непостижима. Но контуры ее как образы восточных фантазий уже проступают. Было замечено (Шалимов, 1981), что явление истинного, глубинного Ефремова состоялось - в образе Дара Ветра, героя главного и оптимистического романа "Туманности Андромеды". И в этом мужественном и могучем образе, кажется, сказано все. Мы лишь добавим: Он - истинный Дар и Он - именно Ветер. Ибо ветер, как считали древние, особенно в тревожные, переломные годы, становится деятельным состоянием Духа. Творчество провиденциального Ефремова обрело богатырские силы именно на "Дороге Ветров", в бескрайних просторах Центральной Азии, с жизнью которой писатель знакомился не понаслышке. По Монголии, стране, где слагались гимны о Северной Шамбале, куда вели тайные тропы великих тибетских лам, он странствовал многие годы и телесно и в Духе. В Духе, - окидывая мысленным взором заоблачные высоты Тибета и Гималаев, глядя сквозь призму исследователя-натуралиста, эволюциониста, эколога, как палеонтолог - профессионал высочайшей пробы, мыслящий масштабами тысячелетий, - он завершил свой духовный рост. Словно и этим сакральным жестом, присоединяя себя и нас к сонму верующих в Связующий Жребий России, тайно рожденной на великом экологическом и духовном пороге Сибири - колыбели вселенского Севера, земле неизбежных, немислимых богатырских свершений. Земле, уготовленной людям, воспитанным на тайне "Благоговения перед Безмолвием", скорее думающим и строящим, чем "Говорящим", творческая мысль которого и глубина скрыты в безднах человеческого подсознания, образной, неявленной, несловесной мысли, названной интуицией. Тайные миры и планы бытия человека, открытые писателем, философом, натуралистом И.А.Ефремовым - глубинны. Это неведомое нам и ныне таинство и самораскрытие мысли без слов, точнее - мысли, таящейся под и между словами. Это мысль будущего лишь означенная словами намеков, по которым, как по вершинам заснеженных гор, знающие спускаются к земным потаенным глубинам, оставляя нам и соборы Великого Новгорода, Пскова, Владимиро-Суздальских ополий, и древнейшие лики святых, запечатленных иконами Древней Руси, лучезарной "Троицей" Андрея Рублева, музыкой, поэзией, балетом и танцем, составившими славу Великой России. Это высокая, может быть, высшая философия, - литература безмолвия, - в сущности, единственный и неизбежный путь человеческой мысли и Духа в грядущих веках. Ибо сказано на Востоке: "горе тому, кто разделяет, дважды горе тому, кто говорит все!"

Мало кому известно, что многие тайны психологического и творческого облика И.А.Ефремова связаны с именем выдающегося русского зоолога и палеонтолога академика П.П.Сушкина. Вернувшись с Дальнего Востока могучим, но еще юным "морским волком" - капитаном тихоокеанских морей, Иван Ефремов встретился в геологическом музее Петрограда с человеком столь же неукратимой энергии, воли, ума и силы духа, широчайших и разносторонних знаний. У меня как профессионала - зоолога, воспитанника той же кафедры, что и П.П.Сушкин, - кафедры зоологии и сравнительной анатомии позвоночных Московского университета, нет сомнений в удивительной духовной и творческой близости этих людей. Именно работа с выдающимся зоологом, палеонтологом определила профессиональное будущее Ивана Ефремова - он стал палеонтологом-эволюционистом. Нет сомнения в том, что в молодом человеке, будущем выдающимся ученом и писателе, П.П.Сушкин нашел духовно близкого человека, способного не только стать его преданным учеником, но и свершителем его несбывшихся надежд, интересов, мечтаний. Под влиянием Учителя молодой Ефремов избрал углубленный и одновременно широкий путь профессионального познания истории жизни на Земле, истории природы и человека. Ведь Учитель был не только выдающимся зоологом, палеонтологом, географом, блистательным знатоком и коллекционером бабочек, но и не менее известным антропологом - создателем оригинальной концепции горного происхождения человека. Мне кажется, что судьба и творчество И.А.Ефремова

читаются через судьбу и духовную устремленность его первого Учителя - однозначно. Кстати замечу, что венцом теоретической мысли И.А.Ефремова стала практически незамеченная ни общественностью, ни профессиональной наукой статья, посмертно опубликованная в малоизвестном, фактически запрещенном сборнике, изданном Академией наук СССР, - "Населенный Космос" (1972). Смысл этой идеи, полностью созвучный «фантастической» идее Ефремова о единстве облика людей Вселенной как физически оптимальной форме сводится к следующему. Многие годы, раздумывая над невероятным, по мнению И.А.Ефремова, экологически и эволюционно необъяснимым разнообразием беспозвоночных животных, ученый пришел к совершенно неожиданной мысли: он допустил возможность, что на первичных этапах развития жизни, на уровнях беспозвоночных, Природа закладывает - создает на планете - все многообразие жизненных форм, на которое способна Вселенная! И лишь в дальнейшем в соответствии с конкретными экологическими особенностями планеты, из этого первичного многообразия избираются оптимальные формы, на базе которых эволюция строит восходящие ряды и уровни высших жизненных форм. Об этой "последней" идее Ефремова следует помнить. Хотя бы потому, что она, в полном соответствии с принципом "безумия" Нильса Бора, может быть оценена на сегодня как вершина "эволюционного безумия"!

Уже в юности будущий писатель, кстати, вышедший на литературную арену крайне поздно, уже перейдя порог зрелости, был неукротимым романтиком, но одновременно, как бы сегодня сказал последователь Карлоса Кастанеды,- тайным искателем Силы. Его отличала от всех писателей и фантастов неизменная, славянски одухотворенная, иногда поверхностно-мистифицированная верность научному знанию. Для него эта вера была безусловной, ибо он, в отличие от великого сонма "научных фантастов", сохранил непреложным профессиональный научный труд и даже достиг в нем теоретических вершин в апогее своей писательской славы. Нам кажется, что для И.А. Ефремова фантастика была лишь обманчивой для обывденного человека - радужной оболочкой, формой, за которой он, часто сознательно, прятал свою неукротимую, строгую, одухотворенную мысль. Ивану Ефремову удалось найти свой собственный, я бы сказал - богатырский путь в жизни, науке, литературе. Путь широкого, практически безграничного поиска, нечеловеческой силы охвата проблем и вширь и вглубь, овладения избранной темой на пределе научного знания, до самого дна. Именно таким человеком был и его старый Учитель. Мне кажется, что и сегодня эта абсолютная приверженность подсознания Ефремова строгой науке дает себя знать. На оборотной стороне его вышивок, как и вышивок шведского короля, не удастся обнаружить ни одного узелка.

Вершины философского творчества Ефремова, подобно горам альпийского орогенеза, отмеченного возвышением Тибета и Гималаев, Алтая и Альп, достигли своего апогея в Темное Время. На пороге одного из величайших надломов в истории нашей планеты. Об опасностях и симптомах которого он умудрился поведать нам в третьем, сакральном плане "Часа Быка" (и здесь - провиденциальная Сила Востока). Это был двойной образ Инферно: материализованный явно, жестко, научно и страшно облик Олигархии Торманса и потаенный (на той же inferнальной тропе) образ реального социализма (основа доноса), неуклонно творящего симптомы ущербного, духовно опустошенного супериндустриализма, обрекающего планету и ее жизнь на вырождение и гибель.

Писатель был и, в сущности, оставался романтиком-оптимистом. Ведь именно им и никем другим написан величайший (пусть спорный) роман о будущем человечества - Туманность Андромеды. Писатель, философ и человек И. .А. Ефремов - был ли он досужим фантастом? Сегодня кажется многим, в том числе и знающим его мысли, дела, способности, знания профессионально и изнутри, - он был человеком и мыслителем Высокой Пробы. Может быть, и вправду Иваном - воплощением неявленного русского Духа, последним богатырем земли нашей.

Спор тысячелетний о золотых временах не завершен. Писатель вопиет к нам о смертельной опасности Олигархической Власти, угроза которой не только реальна,

возможно - неотвратима. Он вопиет к нам о смертельной опасности бездумного оголтелого индустриализма и технократизма вообще. Эти опасности как профессиональный эколог-эволюционист он не только обозначил великим понятием - словом Инферно, но и, раздумывая над глубинными сущностями биологического, социального, духовного бытия природы и человека, как немногие выдающиеся натуралисты и мыслители нашего времени, прошлых эпох, понимал, что возможность Светлого финала нашей истории - лишь детерминированная (диалектически направляемая) вероятность. Ему очень хотелось верить в ее неизбежность. Но как палеонтолог-эволюционист он лучше многих других знал о существовании тайных путей - тупиковых ветвей Инадаптивной Эволюции жизни, ведущих к гибели. И они, эти инфернальные планы бытия, так же вечны, как и само явление жизни. Вечны не в конечности земного их плана, а в планах космических. И опасность их, этих Метапрограммных (Природой невидимо для нас творимых) инадаптивных планов, в руках человеческих достигает своего космического апогея. История жизни нашей планеты, бесчисленными фактами которой он владел могущественно, профессионально, убеждала писателя в неизбежности прогрессирующего и прогрессивного детерминизма. Он верил в реальность Информационного Галактического Кольца космических цивилизаций. Он был убежден в детерминированности единства физического облика человека Вселенной ("Сердце Змеи"). Он верил в космическую предопределенность Красоты и Гармонии, в конечное торжество Красоты, Добра и Духа над Злом. И словно безмолвным заветом он заклинал нас не верить в возможность тщедушных эмбриональных пришельцев, ибо как было открыто ему, - только в апогее красоты и тела и духа, творчество и мысль человеческая достигают своего космического апогея. Он верил в возможность, может быть, необходимость бескровных революций, как очистительной, обновляющей силы космического бытия, ибо в те годы революционными феноменами природы ему казались великие смены геологических ликов нашей планеты и все сонмов ее развивающейся жизни. Он верил в глубинное неведомое нам превосходство женского начала земли как творческой животворящей, рождающей и охранительной силы, одной только и способной кровью сердца и отчаянием материнского крика встать на спасение и защиту заблудших детей своих. Женщина и Природа едины как вмещающее, творящее и охранительное явление жизни. В конечном итоге, он верил в величие (и может быть превосходство) чувственной интуиции над светом холодного разума. Он верил не в разум как таковой, а в его земную природную Мудрость, стократно усиленную любовью, материнской, земной интуицией Жизни.

Когда-то А.Блок заметил о путевых очерках М. М. Пришвина "В краю непуганных птиц": "Это, конечно, - поэзия, но и еще что-то". Сегодня, продолжая давно начатый спор, о том что наследие Ефремова это не литература, а беллетристика, как мне кажется, мы должны больше думать о том: "А была ли фантастика?" Может быть, творчество И.А.Ефремова выше обыденной литературы, выше поэзии? Может быть, это особая форма мудрости поэтической по духу, по глубинному своему романтическому настрою, одухотворенности, сплав философии и науки - та форма духовной литературы, которая выше не только обыденных, но и поэтических слов? Может быть, ее главная самая фантастическая (по недостижимости) из ныне явленных сущностей сила - образы Философского Безмолвия, которые в будущем могут стать главной творческой силой, космического масштаба оружием человеческой мысли в ее противостоянии инфернальному Злу, а может быть, и Темным началам Вселенной?

Наконец, последнее, - может быть, самое главное, - лежащее в самом тайном основании таланта писателя, ученого и человека, всего сказанного и недосказанного в этой статье. Замечено, что зрелые тексты Ефремова - медитативны. Они как бы наделены, подобно древнейшим гимнам Ригведы, магической силой самораскрытия, пульсации, длящейся жизнью во времени, как утверждали и утверждают и буддийские адепты Большой Колесницы (Махаяны), отстаивая феномен саморазвития и самораскрытия мыслей и слов

Будды Гаутамы. Истинный смысл этих текстов не дается поверхностно, свойственным для нашей торопливой эпохи кавалеристским наскоком. В них, эти тексты, погружаются всерьез и надолго. В них “живут между строк”, утопают. Утопающим открываются новые смыслы и силы, способность увидеть тайную стройность новых миров. Обретается дар понимания, как бы продления жизни, развития образов, мыслей, картин неявленных, скрытых. Это дороги в миры еще неведомой нам параллельности, сложности рядоположенных форм неявленного скрытого бытия (Матапрограмм нашего Духа). Тайна медитационного текста сродни тайне настоящего, давно умершего театра, когда первые звуки, слова, их глубинные обертоны и смыслы отключают сознание тысяч людей, заставляют верить всему, что звучит и мелькает на сцене. Такова была непостижимая сила шекспировских действий и слов, сила великого русского театра ушедшей эпохи. Тайна медитационного текста в его абсолютной зримости, способности не только видеть, но и слышать слова и голоса, отраженные текстом. Это не тексты обычной словесной и буквенной вязи. Это словесная, зримая и звуковая вязь - импульсов зримого и звучащего объемного мира. Автор как бы живет в представляемом мире, движется, видит мельчайшие детали этого мира, неразличимые в мире реальном. И тексты, рожденные почти бессознательно, переданные нам из этих виртуальных миров нашего подсознания, обретают особую стройность и силу. Подобно живому, неуправляемому потоку, они входят в наше бытие, часто помимо сознания. Этих текстов немного. Они начаты мистикой Е. П. Блаватской, “Агни Йогой” Е. И. Рерих, “Розой мира” Д. Андреева, книгами, лекциями и статьями Л. Н. Гумилева. Этим загадочным даром владели Шпенглер, Ясперс, Ортега-и-Гасет... В форме пророческих социальных картин нам оставил их и Иван Ефремов. Возможно, - это тексты-вершины, по которым, как по гимнам Ригведы, Библии и Авесты, можно спускаться в неведомые нам глубины бытия, возможно устремление в даль.

Один из известных филологов (И. И. Гарин) в книге “Неизвестный Толстой” (1993 г.) выразил точно и ярко, может быть, главную мысль нашей переломной эпохи. “Каждое поколение переписывает (мы бы добавили - “должно переписывать”) историю, портреты исторических деятелей, биографии творцов культуры, саму культуру. Почему?... Что нового можно добавить к изученному по дням и часам Толстому?... Парадоксальные ответы на эти вопросы состоят в том, что, во-первых, мы ничего не знаем о Толстом - самом великом и поэтому самом оболганном писателе России, во-вторых, в том, что прошлое обладает ничуть не меньшей вариабельностью, чем будущее, в-третьих, в том, что человеческая культура и есть “вечное переписывание”, омолаживающее самое себя все новыми и новыми перспективами... в-седьмых, в том, что о Толстом сказано все и - ничего... он не просто выразитель “русского духа”, но - плоть от плоти... одной ногой этот колосс стоял в Европе, которую недолго любил, а другой в Азии, которую славил и... пытался преодолеть, что при всей своей “русскости” Толстой - всечеловечен.” Это, на наш взгляд, слова, которые следует, как на стенах дворца в пророчестве Даниила, сделать огненными - символами, указующими Путь... Ибо на этой Земле рождаются люди, по силам своим и трудам превосходящие любую обыденность, по скрытой духовной мощи своей принадлежащие вечности и Вселенной. В этой вечности созданное ими нетленно, в ней они раскрываются, действуют и цветут - вечно, бессмертно и непрерывно...

Г. Н. Симкин